

МИР В НАЧАЛЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

ГРЕЗЫ И РЕАЛЬНОСТИ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

© 2019 г. А. Арбатов

АРБАТОВ Алексей Георгиевич, академик РАН, доктор исторических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (alarbatov@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 17.07.2019.

На фоне всеобъемлющего кризиса системы и режимов контроля над ядерным оружием в настоящее время образовались три новых направления мысли политиков и экспертов, влияющих на институты власти ведущих государств. Их можно условно обозначить как “неоястребы”, “идеалисты” и “ревизионисты”. Все они на различающихся основаниях предлагают упразднить контроль над вооружениями по прежним стандартам. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что динамичные перемены миропорядка и военных технологий не только не отменяют нужды в договорах по контролю над вооружениями, но делают их еще более важными, чем прежде, для российской и международной безопасности.

Ключевые слова: контроль над вооружениями, ядерное оружие, концепции ограниченной ядерной войны, ядерная эскалация, стратегические конвенциональные вооружения, системы двойного назначения, гиперзвуковое оружие, космические вооружения, кибервойна, беспилотные системы.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-5-16

Всеобъемлющий кризис системы и режимов контроля над ядерным оружием, о котором некоторые российские специалисты стали бить тревогу еще пять лет назад [1], сейчас признается на высшем государственном уровне России и многих других стран [2]. Рухнул Договор по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД), имеет место полная неопределенность с продлением срока действия Договора по стратегическим наступательным вооружениям (ДСНВ-3) и тем более с возможностью следующего соглашения по этому вопросу, начался “подкоп” под Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), расшатывается Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

На фоне этого кризиса ныне образовались три основных новых направления мысли политиков и экспертов, в той или иной степени влияющих на институты исполнительной и законодательной власти ведущих государств. Одно из них — “неоястребы”. Они доказывают, что соглашения по разоружению мешают развитию ядерного оружия, которое вновь стало эффективным средством политики и войны.

Другая стратегическая школа — “идеалистическая”, которая призывает разом покончить с ядерным оружием через один грандиозный договор, и такой подход получил широкую международную поддержку.

Наконец третья школа — “ревизионисты” (этот термин не используется здесь с негативным оттенком, можно применять понятия “реноваторы” или “реформаторы”). Они утверждают, что ядерная мно-

гополярность (полицентричность) и новейшие военные технологии предполагают упразднение контроля над вооружениями по прежним стандартам и что нужен принципиально новый подход к этому вопросу.

Рассмотрим эти стратегические учения более детально с учетом их вероятного влияния на национальную политику государств и международную безопасность.

ЯДЕРНЫЙ РЕВАНШИЗМ НА МАРШЕ

В последнее десятилетие подспудно происходила трансформация сложившегося к концу прошлой холодной войны консенсуса правящих элит СССР, США, других ведущих держав, мирового общественного мнения по ядерной теме. Тогда в обществе и на высшем государственном уровне возобладало мнение, что ядерная война повлекла бы катастрофические последствия для человечества, в ней нельзя победить, и она никогда не должна вестись [3]. Гонка ядерных вооружений стала восприниматься как важнейшая угроза международной безопасности [4]. Исходя из этой логики, независимо от идеологических и политических противоречий государств следовало идти по пути сокращения ядерных вооружений и их нераспространения в качестве важнейшего условия предотвращения ядерной войны. Стратегическая стабильность трактовалась как устранение стимулов к нанесению первого ядерного удара¹. Также

¹ См.: George Bush: Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. June 1, 1990. *The American Presidency Project*; Государственный визит Президента

сложилось взаимное понимание, что любое ограниченное применение ядерного оружия сверхдержавами практически неизбежно повлекло бы эскалацию к глобальной войне [5].

На этой основе строилась обширная система договоров и режимов ядерного разоружения и нераспространения. К началу 1990-х годов эта система увенчалась историческими Договорами по РСМД, СНВ-1 и обычным вооружениям в Европе (ДОВСЕ), которые сыграли ключевую роль в окончании холодной войны и прекращении гонки вооружений. За следующие 30 лет глобальный арсенал ядерного оружия был многократно сокращен.

В противоположность этой философии в нынешнем стратегическом дискурсе России опровергаются все упомянутые выше постулаты. Многие политики и эксперты с циничным практицизмом рассуждают о способах эффективного ведения ядерной войны, которая после глубоких сокращений арсеналов якобы не обязательно повлекла бы катастрофические последствия и в которой, исходя из этого, можно победить [6]. Не скрывая радости по поводу разрушения договоров, они доказывают, что без них можно создать множество новейших вооружений, которые обязательно укрепят собственное стратегическое положение для внешней политики и при необходимости — для реального ведения войны [7].

Идея стратегической стабильности отринута, а первый удар объявляется легитимным и действенным способом достижения победы. Ее трактуют или как принуждение противника к капитуляции через ядерную эскалацию [8], или как причинение ему катастрофического ущерба (да еще предлагают передать “красную кнопку” компьютерной автоматике [9]). Для этого призывают создать стратегические ракеты и беспилотные торпеды с ядерными боеголовками огромной мощности и нанести ими удары по критическим геофизическим зонам на американском континенте, в Тихом океане и Атлантике, чтобы обрушить на Запад тектоническую катастрофу или гигантскую радиоактивную волну-цунами [10; 11].

В стратегическом мышлении США основное направление — развитие концепций избирательного применения ядерного оружия и систем (как тактических, так и стратегических) с боезарядами пониженной мощности под предлогом противодействия российской стратегии ядерной эскалации [12].

СССР М.С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая—4 июня 1990 года. Документы и материалы. Москва, Политиздат, 1990. 335 с. [State visit of the President of the USSR Mikhail Gorbachev in the United States of America, 30 may—4 June 1990. Documents and materials Moscow, Politizdat, 1990. 335 p. (In Russ.)]

В прошлом ядерное сдерживание трактовалось как потенциал предотвращения первого (разрушающего) удара другой стороны и обеспечение гарантированного возмездия — при понижающихся уровнях ядерных сил в рамках договоров о РСМД и СНВ. Теперь подход меняется: ядерное сдерживание рассматривается как производное от повышения эффективности ведения ядерной войны с координированным применением вооружений в ядерном, обычном и двойном оснащении с целью достижения в ней победы или завершения на выгодных для себя условиях — причем на повышающихся уровнях вооружений. Такие идеи находят отражение в стратегических документах и программах вооружений США и России.

Так, в июне 2019 г. большой переполох вызвала утечка информации в печать о докладе Комитета начальников штабов США. В нем, в частности, указывалось: “Применение ядерных вооружений может создать условия для достижения решающих результатов и восстановления стратегической стабильности... Ядерное оружие может быть включено в ведение кампании... с целью эскалации конфликта для достижения мира на более выгодных условиях... Интеграция применения ядерных вооружений с ведением обычных или специальных операций имеет исключительную важность для успеха любых (военных) миссий или операций” [13].

В России, конечно, не происходит подобных утечек информации и тем более не публикуются такого рода документы. Однако о направленности стратегического мышления свидетельствуют, например, такие официальные заявления на высшем уровне военного командования: «Проводимая западными “партнерами” политика вынуждает нас на угрозу отвечать созданием угрозы, планировать в перспективе нанесение ударов по центрам принятия решений, а также пусковым установкам, позволяющим применение крылатых ракет по объектам на территории России» [14]. При всей сдержанности этой формулировки, по-видимому, она подразумевает не что иное, как упреждающие и избирательные удары.

Более подробно пишут по этому поводу специалисты из научных заведений Министерства обороны, обосновывая “...ограниченный характер первого ядерного воздействия, которое призвано не ожесточить, а отрезвить агрессора, заставить его прекратить нападение и перейти к переговорам. При отсутствии желательной реакции предусматривается нарастающее массирование использования ядерного оружия как в количественном отношении, так и по энерговыделению. Поэтому... первое ядерное воздействие Российской Федерации может носить ограниченный характер” [8].

Отмеченные тенденции развития стратегических концепций и систем вооружений увеличивают

угрозу ядерной войны в результате эскалации регионального или даже локального военного конфликта с вовлечением великих держав. Что касается США, то остановить этот опасный процесс может давление на Белый дом со стороны либеральной оппозиции в Конгрессе и интеллектуальном сообществе, выступающей за односторонние ограничения ряда военных программ и новые соглашения с Россией по контролю над вооружениями. А со стороны РФ, учитывая нынешнее отношение ее руководства к либерализму² и восторженную поддержку в парламенте любых программ вооружений, это возможно только в контексте последующих договоров с США по ограничению вооружений.

На пресс-конференции в октябре 2018 г. президент России Владимир Путин много и верно говорил об опасностях развала системы контроля над вооружениями, фривольных рассуждений на ядерную тему, появления концепций ограниченной ядерной войны, размывания грани между ядерными и обычными вооружениями [2]. К сожалению, с тех пор в практическом отношении ситуация не улучшилась, а ухудшилась. В ходе прямой линии в июне 2019 г. российский президент ограничился напоминанием известной поговорки: хочешь мира — готовься к войне³.

Этому принципу — *si vis pacem, para bellum* — прямолинейно следовал античный Рим, на протяжении веков ведя непрерывные войны, пока не рухнул с катастрофическими последствиями для европейского миропорядка. Та же участь постигла многие воинственные империи, следовавшие римскому примеру.

Опыт холодной войны, выстраданный в циклах расточительной гонки вооружений и опаснейших кризисов, продемонстрировал неприменимость этого афоризма в ядерный век. Поэтому постепенно формировалась иная логика, и ее еще в 1974 г. выдвинул советский лидер Леонид Брежнев: “Хочешь мира — проводи политику мира, борись за эту политику”⁴. Конечно, тогда декларации и практическую политику разделяла пропасть, а гонка вооружений велась с огромным размахом. Однако Леонид Ильич, который сам прошел и Отечественную, и холодную войну, искренне верил в то, что говорил (причем вторая часть его формулы явно намекала на сопротивление внутренних “ястребов”). И он положил начало процессу, который всего через полтора десятка лет усилиями последнего пре-

зидента СССР Михаила Горбачева положил конец гонке вооружений. Отказ от этой философии и возврат к антично-римским ценностям войны и мира чреваты непредсказуемыми последствиями.

ОДНИМ МАХОМ — НО КУДА?

В противоположность усилению акцента ведущих держав на ядерное оружие, другой крайностью стал одобренный 6 июля 2017 г. Генеральной Ассамблеей ООН Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) [15]. Более двух третей стран — членов ООН участвовали в разработке документа и обязались к нему присоединиться. После ратификации ДЗЯО более чем 50 государствами он формально вступает в законную силу, запрещая разработку, испытание, хранение, приобретение, транспортировку и использование ядерного оружия.

Не ставя под сомнение благие намерения сторонников этого Договора, приходится признать, что он утопичен как в теоретическом, так и в практическом отношении. И дело не только в том, что девять ядерных держав, которым пришлось бы его выполнять, с редким единодушием не поддержали этот акт ООН. Помимо множества технических и экономических недостатков, главное упущение документа в том, что он трактует ядерное разоружение как сугубо техническую проблему.

Между тем ядерное оружие предназначено не только для сдерживания применения такого оружия другими странами. Например, как без ядерного оружия сдерживать (или отражать) нападение с использованием сил общего назначения, новейших высокоточных неядерных средств или оружия на новых физических принципах? (Эта задача имеет большое значение для России, Израиля, Пакистана, Индии, КНР, КНДР.) Каким образом без ядерного оружия обеспечить мировой статус при недостаточном экономическом потенциале (Россия, Великобритания, Франция)? За счет чего предоставлять гарантии безопасности союзникам, соседствующим с мощными военными державами (отношения США с их альянсами в Европе и Азии). Как получить козыри для переговоров о ненападении и признании легитимности своего государства (Израиль, КНДР)?

За прошедшие 70 лет ядерное оружие стало неотъемлемым элементом международной политики, военной стратегии и безопасности. Не меняя этой среды, нельзя просто “иссечь” ядерный компонент из международных отношений как зловредное образование. Безъядерный мир — это не просто нынешний мир минус ядерное оружие, а совершенно иной мир, построенный на других нормах и институтах. Они должны включать механизмы мирного разрешения конфликтов и эффективные системы

² См.: Прямая линия с Владимиром Путиным. 20 июня 2019 г. Москва. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60795> (accessed 08.07.2019).

³ Там же.

⁴ Визит делегации СССР в Польшу 1974.07.20–1974.07.21. [Soviet Delegation's Visit to Poland July 20–21, 1974 (In Russ.)] Available at: <http://xn--80aagr1bl7a.net/index.php?md=books&to=art&id=2780> (accessed 08.07.2019).